

Koroleva, Elena E.

**Языковое самосознание староверов
Латгалии**

Etnolingwistyka 20, 231-242

2008

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Елена Е. Королева
(Даугавпилс)

ЯЗЫКОВОЕ САМОСОЗНАНИЕ СТАРОВОЕРОВ ЛАТГАЛИИ

Autorka opisuje historię staroobrzędowców we wschodniej części Łotwy zwanej Łatgalią. Staroobrzędowcy pojawili się tam w XVII wieku jako uciekinierzy przed prześladowaniami ze strony administracji carskiej (były to wówczas Inflanty polskie). Opuśczone przez epidemię dżumy region stworzył przybyszom korzystne warunki osiedlenia. Staroobrzędowcy odegrali ważną rolę w rozwoju gospodarki na Łotwie. Życie religijne odrodziło się w końcu lat 80. XX wieku, jednak obecnie jego waga znacznie się zmniejszyła wskutek emigracji młodszego pokolenia do Europy Zachodniej. Dziś na Łotwie mieszka około 100 tys. staroobrzędowców, co stanowi największe ich skupisko na terenie krajów bałtyckich. Zdaniem autorki teza o subetnicznym charakterze staroobrzędowców łotewskich w ramach etosu rosyjskiego znajduje pełne uzasadnienie w samoidentyfikacji (poczuciu przynależności etnicznej) członków tej grupy. Spełnione są wszystkie warunki uznania jej za grupę etniczną: wspólnota pochodzenia, losów historycznych, wartości kultury i tradycji, języka oraz terytorium, jak również obecność poczucia przynależności etnicznej. Poziom tego ostatniego jest w omawianej grupie wysoki, co wiąże się z dumą z przynależności do tej grupy i poczuciem jej unikalności. Świadczą o tym nazwy tej grupy, obecne w spontanicznych wypowiedziach staroobrzędowców o sobie. Odrzucają oni negatywnie wartościującą nazwę *raskol'niki* (tj. odpowiedzialni za rozłam, rozłamowcy), a także nazwę *staroobrzjadcy* jako narzuconą przez ich prześladowców. Stosują najczęściej nazwy własnej grupy *starovercy* lub *starovercy*, w których zawarty jest element pozytywnie wartościujący, podkreślający dawność, wierność tradycji i ortodoksyjność wiary, co widać wielokrotnie w ich spontanicznym mówieniu o sobie. W kontekstach ujawnia się również funkcjonowanie tych nazw jako etnonimów. Inne nazwy także zawierają element pozytywnej samooceny: *krepkovercy*, *krepkovercy*. Z kolei o prawosławnych (którzy przyjęli reformę Nikona), mówią *nikonjanczy*, *nikonjanczy*, podczas gdy oni sami tak siebie nigdy nie nazywają. W pozostałych nazwach także ujawnia się pozytywne wartościowanie w nazwach własnej grupy oraz negatywne w nazwach grup innych, zwłaszcza prawosławnych, nazywanych *cerkowniki*. W ten sposób opozycja *swój* — *obcy* nakłada się na opozycję aksjologiczną słuszny — niesłuszny. Jako wskaźniki przynależności do grupy występują także określone formuły grzecznościowe oraz wyrażenia wykrzyknikowe (emotywy).

История заселения

В Латвии насчитывается около 107 тыс. староверов, при этом 87 тыс. староверов проживает в Латгалии (И. И. Иванов, Даугавпилс, 2003, устное сообщение). Это самое большое поселение староверов в Балтии. История заселения старообрядцами Латвии такова.

В Латвии в середине XVII в., когда здесь появились потоки беженцев-старообрядцев, была эпидемия чумы. В результате чумы и войны (руско-польско-шведской) страна была опустошена и заинтересована в пополнении людских ресурсов, староверам предоставлялись льготы в налогообложении. Первая моленная появилась в 1660 г. в Лигинишках. На этом месте в настоящее время возведен памятный старообрядческий крест. Сейчас это один из районов Даугавпилса. Они не были первыми. Еще задолго до вторжения крестоносцев здесь складывались значительные православные центры, такие как Талава, Кокнесе, Ерсика. В Риге постоянно проживали купцы, сопровождавшие их служилые люди и работники, плотогоны и другие и спасавшиеся от репрессий на религиозной почве церковные оппозиционеры, а также разного рода беглые. Старообрядцы поселялись в Риге, входившей в состав Швеции, и в Латгалии, восточной части Латвии, входившей в состав Речи Посполитой. Присоединение Латгалии в 1772 г., а Курземе в 1795 г. к России первоначально вызвало отток старообрядцев. Некоторые из них бежали в Польшу и Пруссию, но многие возвращались обратно. Деньги купцов-староверов сыграли важную роль в развитии капитализма в Латвии.

Конец 1980 г. ознаменовался активизацией старообрядческих общин во всех сферах: было открыто первое духовное училище, издавался ежеквартальный журнал «Златоструй», стали строиться новые храмы, освящены новые храмы в Войтишках (1996), Прейли (1996), Дагде (1999), Илуксте (1999) (СБП: 359–364). Однако в настоящее время картина кардинально изменилась. Многие сельские храмы разрушаются и закрываются из-за отсутствия прихожан в сельской местности: старики умирают, а молодежь после вступления Латвии в Евросоюз в поисках заработка массово уезжает за границу. Латгалия в настоящее время в экономическом отношении является регрессивным районом Латвии, для всего населения по степени актуальности на первом месте стоит работа. В данной статье речь пойдет о старшем поколении старообрядцев, потому что процессы современного общества не могли не отразиться и на нем.

В поисках самоназвания

Есть все основания считать староверов Латгалии особым субэтносом внутри русского этноса, если опираться на субъективный взгляд самой группы на себя изнутри и исходить из утверждения, что «этнос — только та общность людей, которая осознает себя как таковую, выделяя среди других аналогичных общностей» (Садохин 2002: 147). Староверы обладают всеми необходимыми для этого признаками: общностью происхождения и исторических судеб, культурных ценностей и традиций, языка и территории.

Этническое самосознание принято рассматривать как осознание принадлежности к этносоциальной общности, как социальное осознание места и роли своей этнической общности в системе межнациональных отношений и осознание самобытности, уникальности своей культуры, понимание места своего этноса в современном мире. Для староверов Латгалии характерен высокий уровень этнического самосознания, ярким проявлением которого являются самоназвания (см. ниже). «Причины тяги к самоназваниям находятся в имплицитной области языка, оперирующей признаковым полем знаков культуры. На языковом уровне воплощение “ипаковости” происходит через оппозицию “свое — чужое”, чрезвычайно актуальную для выражения религиозности в устной народной традиции» (Дубровина 2005: 147). Осознание себя как особого субэтноса, идентичность старообрядцев лежит именно в сфере религии, а не национальной принадлежности. По мнению латышей — односельчан старообрядцев, последние гордятся тем, что они старообрядцы, считают, что им в хозяйственной деятельности помогает Бог, потому что они много молятся, соблюдают посты и не работают в праздники. Сознание своей уникальности передается староверами от поколения к поколению.

В какой-то мере формированию высокого уровня самосознания у старообрядцев способствует современная политика государства. Потомкам старообрядцев, появившихся в Латвии еще в XVII в., гражданство Латвии было предоставлено без сдачи экзамена. Кроме того, в Латвии в 1992 г. был принят закон о восстановлении прав граждан на землю, строения и имущество, принадлежавшие физическим и юридическим лицам до 21 июля 1940 г. Таким образом, старообрядцы, всегда находившиеся в оппозиции к власти, были признаны государством полноценными гражданами. Более того, они получили некоторый стартовый капитал, помогающий стать успешными в условиях нового государственного и экономического строя.

Определенный отпечаток накладывают и проповеди наставников, в какой-то мере внушающие своей пастве мысль о богоизбранности старо-

веров. Показательно в этом отношении мнение А. А. Орлова о том, что «староверы-беспоповцы законобразного согласия действительно исповедуют и содержат у себя истинную Церковь Христову. Ибо нынешние поморцы законобразного согласия утверждаются на догматах веры и преданий древней святой церкви. И они ныне являются единственными последователями древнего святого благочестия со времен падения русского благочестия 1666–1667 гг.» (Орлов 2005: 105). А вот голос простого народа, он удивительным образом перекликается с утверждением богослова-старообрядца: *Мы непоколебимой веры. В нас никаких изменений нет, в староверах, из века в век как было, так и есть* (Юдовка, Даугавпилсский р-н); *Мы еще старых законов константинопольских остались. Мы борцы за старый обряд, за староверие* (Вёртукшни, Резекненский р-н); *Обычаи разные мы сохранили аж от Византии* (Ковалёво, Краславский р-н).

Власти приказали называть старообрядцев *раскольниками* (1745 г.) и в зависимости от ужесточения или ослабления преследований староверов то отказывались, то снова вводили это слово в оборот. Официально им запрещено было называться *староверцами*, как они сами себя нарекли. Власти обвинили в расколе последователей «древлеправославной» веры, однако, старообрядцы не взяли на себя ответственности за раскол, поэтому название *раскольник* было для них совершенно неприемлемым и обидным. По мнению старообрядца-философа М. О. Шахова, «старообрядцы не ушли, а остались в православной церкви — это убеждение составляет основу их мировоззрения» (Шахов 2001: 103). Тем не менее название *православные* закрепилось за последователями никоновских реформ не только в официальной сфере, но и в диалектном языке старообрядцев Латгалии.

В связи с невозможностью использовать термин *православный* в качестве самоназвания староверам необходимо было подчеркнуть правильность своей веры. Все записи спонтанной речи носителей диалекта, связанные с рассказами об особенностях староверия, содержат маркеры оценочного характера, подчеркивающие правильность их веры. Оппозиция «свой — чужой» пересекается с оппозицией «правильный — неправильный», переключаясь в сферу аксиологии: *У нас правильный крест и молитвы правильные, а православные болты откидывают, католики всей рукой, всеми пальцами вместе, а надо правильный крест* (Даугавпилс). Другое свидетельство общеоценочного характера: *Наше моление и пение много лучше православных* (Даугавпилс).

Обряд крещения у православных также оценивается старообрядцами как искаженный: *Искаженное моление в православных: в купель они*

трижды не макают дитя (Вёртукшни, Резекненский р-н). О крещеных в старообрядческую веру сами староверы говорят: *Сын в воду впитанный* (Малта, Резекненский р-н), а сам обряд описывают так: *Крещается раб божий — бух в воду!* (Вёртукшни, Резекненский р-н). Противопоставляя себя православным и католикам в зависимости от характера обряда крещения, старообрядцы употребляют в речевом узусе номинации *обливанцы* ‘православные’, ‘католики’ и *маканцы* или *мочёники* ‘старообрядцы’. У католиков поливательное крещение, при православном крещении обязательно троекратное погружение в воду: *Священник погружает крещаемого три раза в воду, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа* (Прот. Фома Хопко 1991: 87; КОВЛ 1991: 151). Вероятно, на практике священнослужители не соблюдают этого требования, кроме того, существуют региональные варианты церковных обрядов.

Оппозиция «свой — чужой» пересекается и с оппозицией «старый — новый». «В среде старообрядцев важное место приобретает лексика, дифференцирующая позитивное отличие “старой веры” от “новой”, никоновской. В особой мере это касается самоназваний старообрядцев» (Дубровина 2005: 148). Показательным в этом отношении является самоназвание *древлеправославец*, употребительное среди духовных наставников старообрядцев. Для культуры староверия вообще характерна инверсия — преклонение перед старым. Староверы празднуют юбилеи моленных, кладбищенских часовен, изучают генеалогию старообрядческих родов, историю кладбищ.

Старообрядцы не приняли реформ Никона и стремились сохранить церковные установления и традиции древней русской православной церкви: старое двуперстное перстосложение и обряды, бытовавшие до раскола. Однако более точное название *старообрядцы* они отвергли «из-за того, что оно введено гонителями “старой веры”, правительством Екатерины II» (СОЭС 271), поэтому самым приемлемым названием для них оказалось *староверы*, или, как говорят духовные наставники, *староверцы*. Рассуждая о противопоставлении терминов *старообрядец* и *старовер*, Ю. С. Кудрявцев пришел к выводу, что «старовер — самоназвание в противоположность наименованию со стороны старообрядец» (Кудрявцев 2000: 76). Отражение разной позиции номинатора (со стороны, извне и изнутри) опять происходит в рамках оппозиции «свой — чужой».

Старообрядцы могут не впустить в храм представителей другого старообрядческого толка: *Зашла в храм, все, стой, не ходи, не крестись, не молись, ты мирская, ты другого толка.* [А как заметили?] *Незнакомая* (Калкуны, Даугавпилсский р-н). Оппозиция «свой — чужой» выступает в виде противопоставления сакрального и мирского. Как ви-

дим, свое конфессиональное пространство сужается до представителей одного толка.

Среди самоназваний старообрядцев встречаются такие, мотивация которых основана на использовании прецедентного имени: *федосеевцами* официально называются последователи учения Василия Федосеева (в настоящее время таких общин в Латвии совсем немного, по нашим данным две). Народ называет их *крепковерами* и *крепковерцами* за сохранение аскетического образа жизни, старых церковных традиций: *Были не староверы, а крепковеры, иноки, крепковерцы — они самого крепкого закону* (Гаршаны, Прейльский р-н).

Лексема *поморцы* не употребительна, хотя сами старообрядцы знают, что они *поморцы*: *Община была федосеевской, в начале XX века приняла норму поморского согласия* (из выступления духовного наставника; Рига). Мотивация термина *поморец*: «Богослужения беспоповцев проводятся с опущением всех священнодействий, которые полномочны выполнять только священник или диакон. Такие богослужения совершались и до раскола, особенно в северных краях Поморья, где в малонаселенных и отдаленных приходах не было постоянных священников. С этим связано происхождение названия многих беспоповцев — поморцы» (Шахов 2001: 97). Не употребляя термин *поморец* в речевом узусе, старообрядцы имеют представление о религиозной практике поморцев: *Если младенец умирает и нет наставника, хрестит любой человек, чтобы не пришел на тот свет не принявши хрещення* (Юдовка, Даугавпилсский р-н).

Представление же о том, что они беспоповцы, никак не отразилось в языке старообрядцев. Ведущих службу, духовных наставников, как и в православной традиции, народ называет *попами*, *батюшками*, здесь действует субституция: *Попы поют, попам плоттют за это, что обпоют* (на кладбище в Троицу; Крюки, Резекненский р-н); *Батюшка, он все время стоит, пока прощаются, он поводит, а тада уже крышкой накрывают* (Вёртукшни, Резекненский р-н). В последнее время эту роль часто приходится выполнять женщинам: *Ксенья за попа была* (Линтопишки, Даугавпилсский р-н). За глаза женщин, ведущих службу, могут назвать *попихой*, *попадьей*: *Попихе деньги отдам, пускай она отстоит [сорокауст]* (Малта, Резекненский р-н); *У нас Мира, попадья, тебя, говорит, никто хоронить не будет, в моленную не ходишь, на исповеди не бываешь* (Малта, Резекненский р-н).

Теперь обратимся к названиям, даваемым староверами православным, принявшим никоновскую справу. Духовные наставники старообрядцев именуют последователей Никона *никонианцами*, *никонианами* (таким образом, на разных полюсах оказываются два прецедентных

имени). В речи простых староверов это наименование отсутствует, они называют православных *церковными, церковниками: Мой брат тоже был взявши православную, церковную. У церковников попу надо дать за исповедь, за свадьбу, за кстины, за похороны* (Даугавшилс).

Духовные наставники также называют православных *щепотниками*: по их мнению, православные *щепотью крестятся*, а староверы *большим крестом* ‘двумя пальцами’. «В древнем двоеперстном крестном знаменнии два перста были протянуты: указательный и средний. Они символизировали два естества во Христе — божественное и человеческое. Ими изображался знак креста, на котором был распят Христос» (Шахов 2001: 88). Троеперстное крещение, символизирующее святую Троицу, по мнению старообрядцев, характерно для католицизма, в котором старообрядцы подозревают справщиков Арсения Грека и Елифания Славинецкого, учившихся в католических и униатских учебных заведениях.

С момента раскола до настоящего времени старообрядцы воспринимают православную часть русского общества «как еретиков, отступников от веры, а следовательно, как бы уже принадлежащих к другому народу, к другой религиозной и социально-культурной общности» (Шахов 2001: 100). *Еретик* достаточно часто употребляется как бранное слово среди староверов Латгалии. *Всяко можно обругать: и сатана, и еретик, самое страшное — еретик* (Зуи, Резекненский р-н).

Этноним *русский* у староверов отличается от общепринятого: *русские* для староверов только та ветвь русской нации, которая принадлежит к «древлеправославной» вере.¹ Слово *старовер* может употребляться как этноним: *В его пощады нет никому: что грузин, то армян, или русский, или старовер* (Малта, Резекненский р-н). Используется и словосочетание *русские староверы*.

В языковом поведении русскоязычных жителей Латгалии решающими факторами оказываются социальный, исторический, территориальный. Например, староверы употребляют междометия *борони боже, борони бог, бронь боже, помилуй господи и укрой, укрой бог и помилуй*, местные православные – *упаси господи*, приезжие староверы – *спаси и сохрани*, все русские *боже избавь*. Только местные староверы в общении друг с другом используют формулу вежливости *спаси Бог*, из которой, как известно, исторически развилось русское *спасибо*. Формула вежливости здесь выступает маркером, разграничивающим свое и чужое.

¹В Эстонии, например, русских из псковских земель, приплывавших по Чудскому озеру в староверские деревни за продуктами, называли *русмань*: *Голодные русмань приехали* (устное сообщение В. Л. Гришакова, Тарту, 2006 г.).

Религиозность

Самая главная особенность старовера — приверженность «древле-православной» вере: *Если же он старовер нашелся, он должен таким и быть, в молитвенный храм ходить* (Вёртукшни, Резекненский р-н). Ассоциативный эксперимент, проведенный среди жителей Латгалии, показал, что окружающие воспринимают староверов прежде всего как людей глубоко верующих. Самое большое количество полученных ответов связано с религией: *много молятся, моленная, в моленную ходят, красивые иконы, старинные иконы, много икон, иконы, им курить нельзя, патриархальность, борода, религиозные праздники, живут гражданским браком, не расписываются официально*. Последняя ассоциация связана с наличием *безбрачников* — федосеевцев, они должны всю жизнь посвящать молитве и не могут заключать брак. Борода — отличительный внешний признак старовера: *Раньше мой отец вообще не брил бороды, он не курил, он не пил, а я тоже не курю и не пил до 23 год* (Крюки, Резекненский р-н); По свидетельству старообрядцев, *без бороды не хоронили* (Крюки, Резекненский р-н). Бородатого мужчину в Даугавпилсе обычно сравнивают со старовером: *Оброс бородой, как старовер какой* (молодой человек разговаривает по мобильнику). По мнению самих староверов, главной их отличительной чертой было то, что *староверы богобоязные были. С своей кружки они тебе уже пить не дадут. Покушать, надо сперва Богу помолиться, поку/шал — тоже помолись* (Малга, Резекненский р-н).

На предметном уровне конфессиональные отличия от православных проявляются в наличии *поганой кружки* для чужих, *подрушника* — ‘подушечка для земных поклонов’, *лестовки* — ‘тип четок для подсчета молитвенных поклонов’ для своих. К предметной сфере принадлежит и *смертная одёжа*. Как и другие русские люди, живущие в сельской местности, староверы готовят ее заранее, но вот сам набор предметов одежды отличается. У староверов обязательно должен быть *саван* и *лестовка*. При этом у женщин саван белый (*Сверху белый саван заворачивается*), а у мужчин — черный (*У мужчин саван черный, а подштанники, рубаха белые* — Феклистовка, Резекненский р-н). Кроме того, у женщин *сарафан* и длинная *рубаха*, а у мужчин *азям*.

Чтение псалтыри по покойникам — обязательный элемент похоронного обряда православных: *Вот умер человек, сразу же приглашаются читальщики, с первого часа положено читать псалтырь* (Карасево, Краслав. р-н). Следующая запись является только воспоминанием, сейчас этот обычай уже утрачен. *Гробов готовых не было, делали свои, из*

своих досок, не платили. Сосед соседу помогут сделать гроб, вырыть яму, ни за что не платили, раз для покойника — значит за просто так делали (Аглона, Прейльский р-н).

Локализацию источника зла в соответствии со своими религиозными представлениями староверы связывают с антихристом, который уже воцарился в мире. С этим связаны эсхатологические ожидания: *Мы не знаем, када будет конец света, еще, может, продлится большие времена, Господь запугивает, чтобы люди жили в богобоязни* (Вёртукшни, Резекненский р-н).

Приверженность «древлеправославной» вере определяет духовную жизнь, влияет на язык и бытовое поведение, является доминантой личности старовера. Вера — понятие глубоко личное, сокровенное, не сочетающееся с пустословием и суетностью. Однако у нас есть свидетельства самих староверов о том, что такое для них вера. Эти слова можно воспринимать как кредо старовера. Для многих высказываний на эту тему характерно присутствие эстетического начала, а также эмоционального переживания, связанного с глубоким религиозным чувством: *Горазд красиво молятся, поют, кланяются в зень* (Мицкевичи, Краславский р-н); *Красиво в моленной, послушаешь, дак ажно за душу берё* (Червонка, Даугавпилсский р-н); *И так поют Марье преподобной, мы кланяемся, плачем* (Заболотье, Резекненский р-н); *Красивые иконы в коностасах, свечи горят* (Юдовка, Даугавпилсский р-н); *Все мое счастье, что только стану перед иконой, Богу помолюся и все* (Стародворье, Прейльский р-н); *Образа в каждом доме староверском есь* (Ковалёво, Краславский р-н); *Одно боже милосердие покуда осталось* (Грива, Даугавпилсский р-н); *Я верую в Бога и веровать буду, покуль помру, до конца жизни буду веровать* (Гаршаны, Прейльский р-н); *Лампадушку запало на праздник* (Малта, Резекненский р-н). Все негативные общественные явления старообрядцы объясняют *отпадением* от веры: *Раньше еще в детях набожные были, потому и всякого безгодия меньше было* (Краслава, Бикерниеки, Краславский р-н).

Начетничество, знакомство со святым писанием способствовало распространению среди старообрядцев культа книги. В таком отношении к книге и книжному языку соединяется изначальная сакральность церковнославянского языка и традиционное народное отношение к книге. Книжный язык для старообрядцев — прежде всего церковнославянский язык. Это язык боговдохновенной истины. Старообрядцы Латгалии называют его *славянским, старославянским, староверческим, божественной грамотой*, а людей, владеющих им, — *книжными*: *Он был книжный парень* (Тиша, Прейльский р-н); *Книжных нету горазд* (Пизани,

Прейльскийкий р-н). Церковнославянский язык выполняет функции литературного языка.

Староверы строго соблюдали посты и праздники, при этом постились даже маленькие дети: *Я пощу среда, пятница* (Малта, Резекненский р-н); *Как мы староверы, так мы постили, в моленную ходили, постилися* (Скрудалиена, Даугавпилсский р-н); *Был пост, и дети постничали* (Малта, Резекненский р-н); *В праздник божье збавь, чтоб чего-нибудь делали* (Малта, Резекненский р-н); *Хошь гори работа, а уже старики не пустят, каждый праздник праздновали и всё срабатывали* (Крюки, Резекненский р-н). У староверов есть пословица: *Праздник выше нас* (Малта, Резекненский р-н). Если праздник приходился на воскресенье, то считалось, что в этот день двойной праздник. Соблюдали они и праздники католические, во всяком случае не выполняли больших работ: *Мы празднуем илние праздники* (Даугавпилс, Погулянка, Даугавпилсский р-н); *Завтра чтоб ничего не смели делать, ничего нельзя* [в католический праздник], *это ж люди переиначили, большого ничего делать нельзя* (Карасево, Краславский р-н). 15 августа в Аглоне престольный праздник Богородицы, туда съезжаются паломники-католики со всего мира, староверы тоже посещают в этот день костел в Аглоне: *Все ходили в костел 15 августа, все становились на колени, никто не торчал, дань отдавали пресвятой деве* (Карасево, Краславский р-н). Как видим, староверы отличаются веротерпимостью. По нашим наблюдениям, наименее толерантны они по отношению к православным (см. выше).

Чужие голоса

В наших записях зафиксированы случаи, когда староверов называют «чужими» именами. Самоназвания интересно сопоставить с тем, как называли старообрядцев окружающие, так как «самоопределение группы зависит не только от внутренних причин в пределах группы, но и от ее взаимоотношений с окружением» (Вахтин, Головкин 2004: 34).

По свидетельству Г. М. Пономаревой, в газетных публикациях Эстонии времен Второй мировой войны немцы называют староверов *белыми жидами* (устное сообщение, Тарту, 2006 г.). Староверы объясняют это тем, что *они вторые после жидов*, т. е. после евреев самые верные хранители древних обрядов (зап. у М. П. Блохиной, д. Зуи, Резекнен. р-н, 2006 г.).² Латыши называли староверов *кацапами* — прозвищем русских

²В Даугавпилсе в настоящее время *белыми жидами* называют белорусов, мотивируя прозвище тем, что белорусы умеют хорошо устроиться в жизни при любой власти.

на Украине. Интересно, что М. Фасмер связывает этимологию этого слова с украинским *цап* ‘козел’, по мнению этимолога, ‘бритому украинцу бородатый русский казался козлом’ (Фасмер 2: 213).

Литература

- Вахтин Николай Б., Головки Евгений В. *Социоллингвистика и социология языка*. СПб., 2004.
- Дубровина Светлана Ю. *Христианская лексика в русском диалектном «изводе»*. Тамбов, 2005.
- КОВЛ — *Краткое объяснение всенощной, литургии или обедни, последований таинств, погребения усопших, водоосвящения и молебнов*. Москва, 1991.
- Кудрявцев Ю. С. *Старовер и старообрядец: оценка в терминах? // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. IV Русские староверы за рубежом*. Тарту, 2000. С. 75–84.
- Орлов А. А. *Преемственная благодатность древлеправославной поморской церкви и спасительность поморского староверия*. СПб., 2005.
- Садохин А. П. *Этнология*. Москва, 2002.
- СБП — Барановский Василий С., Поташенко Григорий В. *Староверие Балтии и Польши. Краткий исторический и биографический словарь*. Vilnius, 2005.
- СОЭС — Вургафт С. Г., Ушаков И. А. *Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы: Опыт энциклопедического словаря*. Москва, 1996.
- Фасмер Макс Ф. *Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.*, 1986.
- Прот. Фома Хонко. *Основы православия*. Минск, 1991.
- Шахов М. О. *Старообрядческое мировоззрение. Религиозно-философские основы и социальная позиция*. Москва, 2001.

LINGUISTIC SELF-IDENTIFICATION OF OLD BELIEVERS IN LATGALIA

The author describes the history of Old Believers in an eastern part of Latvia called Latgalia. The people appeared there in the 17th century, having escaped from persecutions on the part of tsarist administration (the land belonged to Poland at the time). The region was deserted because of a plague epidemic. Old Believers played an important role in the development of the region's economy. The importance of religious life rose in the 1980's but at the moment it is diminishing again due to the emigration of the younger generation to Western Europe. There are about 100,000 Old Believers in Latvia today, the biggest community in the Baltic region. The author supports the view that Old Believers are a sub-ethnic group within the Russian ethnos. All conditions necessary for recognizing them as an ethnic group are fulfilled: a common origin and history, the role of culture, tradition, language and territory, as well as the feeling of ethnic distinctness. The level of the latter is high, Old Believers are proud to belong to the unique community which they constitute. This is manifested in the use of the names in reference to themselves. The people reject the negative name *raskol'niki* (i.e. those responsible for divisions) or *staroobryadtsy*, the latter being imposed by their enemies. They usually use the terms *staroveriy* or *starovertsy* ‘Old Believers’, with a positive element in it, highlighting the ancient, traditional and orthodox nature of the religion. The names can also

be used as ethnonyms. Other names, too, contain elements of positive self-valuation: *krepkovery*, *krepkovertsy*. In reference to the members of the Orthodox Church, in turn, they use the names *nikonantsy* or *nikonane* (those who accepted Nikon's reform). Another term used for the purpose, with negative valuation, is *tserkovniki*. In this way the US/THEM opposition is superimposed on the axiological opposition RIGHT/WRONG. Another manifestation of one's integration with the group are certain polite forms of address and interjections (emotives).